

«ТЕНЕРЕЧЬЕ» ИОАННЕСА БОБРОВСКОГО

Елизавета Всеволодовна Соколова

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, заведующая Отделом литературоведения (Москва, Россия)
e-mail: lizak2000@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются структура, содержание, культурно-исторические контексты, переводческие стратегии книги «Тенеречь» (2016 / “Schattenland Ströme”, 1961). Книга была подготовлена на русском языке переводчиком Сергеем Морейно и издана в рамках «Издательской программы Правительства Калининградской области» к 70-летию ее первой публикации. В ней представлены не только авторский голос мало известного русскому читателю немецкого поэта Иоганнеса Бобровского (1917–1965), уроженца г. Тильзита, но и его судьба, прочно вплетенная в сеть военно-политических и антропологических катастроф первой половины XX в. Кроме того, книга содержит три эссе русскоязычных писателей и литературоведов о поэтике поэта и его творческом пути.

Ключевые слова: немецкая литература XX в., немецкая поэзия XX в., тема немецкой вины, топос Сарматия, Иоганнес Бобровский.

Об «одном из крупнейших явлений немецкой поэзии XX в.» [Синило: 211], лирике Иоганнеса Бобровского (1917–1965), в рассматриваемой книге высказываются профессор Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта В.Х. Гильманов («Между виной и надеждой»: [Бобровский 2016: 11–20]), калининградский поэт, прозаик и общественный деятель Борис Бартфельд («Переплыть озеро и взойти на холм»: [Там же: 190–195]), поэт и переводчик Сергей Морейно («Иоганнес Бобровский – мнимое время»: [Там же: 161–189]), а факты биографии поэта (включая годы Второй мировой войны, когда он воевал на Восточном фронте на стороне гитлеровской Германии, а затем годы русского плена – до 1949 г.) представлены в таблицах «Хроники короткой жизни» [Там же: 139–158].

Родившийся в Тильзите (ныне г. Советск Калининградской области) в неслучайном для мировой истории 1917 г. И. Бобровский окончил гимназию в Кёнигсберге (ныне г. Калининград), почти сразу переехал с родителями в Берлин (в 1938 г.) и был призван на военную службу – за год до начала Второй мировой войны, которая лично для него, таким образом, длилась почти 12 лет – вплоть до возвращения в Берлин из советского плена 24 декабря 1949 г.

Уже во время войны Бобровский сумел (успел?) стать студентом-искусствоведом берлинского Университета им. Гумболь-

дта, где сблизился с движением христианского сопротивления нацизму, ратовавшим не за открытый протест, а за «духовно-гуманистическое стремление противостоять “зверю из бездны”, обольстившему нацию великих мыслителей и творцов» [Там же: 11]. В журнале «Внутреннее царство» (“Das Innere Reich”), который издавался в Мюнхене П. Альвередесом и К.Б. фон Меховым и оставался одним из центров этого выросшего из романтической утопии движения внутреннего сопротивления [Гильманов], в 1944 г. были впервые опубликованы стихи Бобровского: семь стихотворений в жанре оды из цикла «Восточный пейзаж 1943», написанного в ходе трудовых будней военного связиста и маршей по северо-западным территориям СССР в составе 16-й армии группы «Север» (Псков – Опочка – Пустошка – Валдай – Новгород – Карсава).

По определению В.Х. Гильманова и И.Д. Копцева, творчество Бобровского – уникальная попытка расшифровать «таинственные знаки природы и истории и донести их смысл», а для современного читателя – одновременно и «сложная герменевтическая задача» [Там же: 47]. И в этом оно созвучно наследию «идеолога» романтического движения «Бури и натиска» кёнигсбергского мыслителя Иоганна Георга Гама-на (1730–1788).

В отличие от своего земляка, современника и товарища по переписке Иммануила

Канта, Гаман развивал своеобразную «теологию чувства», основанную на подобии между Богом и человеком, выражающемся в первую очередь в способности обоих свободно любить. Причем Бог в своей любви снисходит к человеку не только в Слове Писания, но и во всяком явлении действительного мира, природы. Таким образом, по Гаману, чей сложный стиль многие исследователи также называют «криптологическим» [Переписка Иммануила Канта...: 104], «книги истории и природы суть не что иное, как шифры, сокрытые знаки, для которых необходим ключ сердечного и конгениального сотворчества» [Бобровский 2016: 13].

Мир. Под дождем я
вижу, облако бело. Это я.
По течению Прегеля
лодка плывет. Из тумана. Мир.
Ад, но в нем Бог не умер.
Мир. Я вторю Санчо:
Бог, вторю: понимает меня¹.
«Гаман», 1960 [Там же: 81].

Так Бобровский завершает стихотворение, посвященное философу-земляку, пережившему в Лондоне своего рода просветление и су-

мевшему установить очень личное, интимное, отношение с Богом².

Именно под влиянием И.Г. Гамана, по которому «первой лирой лирической поэзии является трель жаворонка» [Переписка Иммануила Канта...: 104] и «для подражания» одна только «природа годится» [Там же: 100], Бобровский в своих «загадочных» стихотворениях – плодах «сердечного и конгениального сотворчества» с божественным первоначалом – стремился улавливать и удерживать тайны истории и природы с помощью «шифров» и «сокрытых знаков» [Бобровский 2016: 13]. Поскольку такое понимание поэзии делает перевод стихов И. Бобровского на другие языки практически невозможным («как невозможен перевод Пушкина» [Там же: 14]), отважившемуся на него переводчику требуется «ключ», который позволил бы сначала расшифровать тайные коды, а затем закодировать пойманную в их сети загадку заново – средствами уже русского языка. Таким «ключом» к творчеству поэта В.Х. Гильманов видит Сарматию, малую родину поэта, которую смог услышать, воспринять и перекодировать его переводчик (и отчасти земляк) Сергей Морейно.

Сарматия, таинственная страна времен античности, соотносится с Восточной Ев-

¹ Здесь и далее стихи И. Бобровского цитируются в переводе С.М. Морейно по изданию: [Бобровский 2016].

² См. «Комментарий переводчика к первому письму Гамана к Канту»: [Переписка Иммануила Канта...: 105].

ропой и Россией. По представлениям древних греков и римлян, она состояла из двух частей – азиатской (нынешний юг России) и европейской, входившей в состав тогдашнего Великого польского княжества. На территории между Вислой и Неманом (нем.: Мемель), которую в древности населяли мифологические сарматы, до завоевания ее Тевтонским орденом сосуществовали племена, говорившие на разных языках, включая несколько славянских.

Закодированные в поэзии тайны истории и природы Иоганнес Бобровский стремился донести в первую очередь «до немцев, литовцев, поляков, евреев, русских и других народов, связанных общей судьбой в едином географическом пространстве, которое он в своем поэтическом мире именует Сарматией», констатируют В.Х. Гильманов и И.Д. Копцев [Гильманов: 47]. «Сарматскую равнину» называет главным топосом поэтического мира Бобровского также и белорусская исследовательница Г.В. Синило [Синило]. Она подчеркивает к тому же, что Сарматия в его поэзии «расширяется»: до азиатских степей на юге, до заснеженных пространств Карелии и Финляндии на севере, захватывая весь доступный «пространственно-временной континуум» и «время всей человеческой цивилизации и культуры» [Там же: 218]. Но именно через этот топос все его лирические стихотворения обнаруживают глубокую внутреннюю связь

друг с другом, оказываясь частями единого лирического целого – «гигантского ландшафта, в который вписаны судьбы отдельных людей и целых народов. Это ландшафт исторической и в то же время мифологизированной Сарматии» [Там же].

Реальная история этих мест, где, по словам хорватского поэта Т. Уевича, «у людей в жилах течет самая горячая, безумная кровь, а рука легче всего хватается за нож» (цит. по: [Socić: 40]), пропитана нескончаемым насилием: с невообразимой жесткостью шла здесь колонизация восточных земель в средневековье и даже католическая церковь в эпоху борьбы с Реформацией не гнушалась самых «жестких (казни, войны, резня) методов» достижения собственных целей [Socić: 40], а геноцид евреев и славян во время Второй мировой войны приобрел наибольшие масштабы. Все это превратило Сарматия для И. Бобровского в «локус сгущенной исторической вины» [Бобровский 2016: 15].

В груди моей
вздыхается поток,
голос из песков:

откройся,
а то мне не всплыть
твои мертвые
текут во мне

«Узнавание», 1962 [Там же: 126]

– закликает прошлое лирический герой. Его «сарматский топос» сливается, таким образом, с топосом «общей судьбы и вины», хотя и оставляет открытой надежду «на очищающую и преображающую память», считает В.Х. Гильманов [Там же: 15]:

Крик
не придет больше.
Звезды падают, шелестящие,
на крыльях, мою жизнь
вопрошает твоя смерть. Дождь
(говоря) и зелень, птица
описала дугу,
свет распылен, облачный
блеск, он не придет
больше.

«Воспоминание для Б. Л., 1960 [Там же: 112]

Однако надежда (как «воспоминание о будущем», связанное с поэтической миссией пророческого предостережения) не имеет рационального оправдания у И. Бобровского, подчеркивает В.Х. Гильманов: поскольку «уже вышел последний срок – для всех» (цит. по: [Там же: 18]) – с этих слов начинается последний абзац его новеллы «Пророк», посвященной символике погибшего Кёнигсберга. Только «голос Сарматии», «самопроизвольно» звучащий из глубин его лирики,

эту надежду поддерживает, и тогда «происходит чудо»: посреди обреченного на гибель пространства «с топографией апокалиптического пророчества» [Там же] новое будущее все-таки проступает – если получается направить взгляд «вверх», выстроив вертикальное измерение – прямо там, где стоишь: на Сарматской земле.

Ширь, не выплыть,
плоть, выдохнуть, я с
поднятыми встал руками, я
переждал, я зацепил облако, я
крикнул, слышу, даль –

где я стоял с поднятыми
руками, тронул
я облако.

«Летние крики», 1960 [Там же: 76].

Переводчик в своих комментариях поясняет выбор русского заглавия книги, передавая историю его рождения словами питерского поэта Дмитрия Григорьева, ставшего свидетелем (и летописцем) «исторического» разговора русских поэтов о невозможности перевода (пост Д. Григорьева в Facebook, 21.05.2015). «Слова Бобровского *Schattenland Ströme*¹ переводят как “Реки земных теней” или “Земля теней и рек”, но между словами

¹ Имеется в виду заглавие сборника стихов: Bobrowski J. Schattenland Ströme (1962) [Bobrowski].

нет запятой, и к тому же “реки земли теней” это “Strömen des Schattenlandes”, – говорит один, и кому-то из собеседников-поэтов тут же приходит в голову, как можно уйти от родительного падежа в русском тексте: «Есть же, например, Лесогорье», другие подхватывают: «Тенеземлеречье», «Тенеречье...» [Там же: 165], пока, наконец, новорожденное слово само не заявляет о своем праве на окончательность через синхронизацию с реальностью: «Я пробую слово “тенеречье”, и автобус останавливается у моста королевы Луизы¹, у реки, разделяющей страны, где таможня и очередь машин – воплощение проблем перевода. Я пробую: Тенеречье, там живет королева Луиза, очаровавшая всю Пруссию, но не маленького капрала [Наполеона], что стал “воцеленным холстом, с которого скатывались все капли ее оболыщения”» [Там же].

Так «Тенеречье» становится по-русски землей «распределенного во времени горя», метафорой Сарматии – гибелью, «многократно возводимой в степень», пока на ее просторах И. Бобровский, слушая эхо, «ищет отголоски тех, кого нет» [Там же: 164] и предвосхищает тем самым движения душ других идущих за ним носителей немецкого языка и вины в их бесконечных тщетных попытках воскресить (воспоминания о) погибших.

Здесь некому ходить. Небо
находит кольцо
и поднимает с земли,
стены домов порастают
мхом, туман облетает
белую башню, так откуда
же ты пришел?

«Заброшенный край», 1961 [Там же: 99].

Подобную жажду вчитываться в память пейзажа, обостренный слух к голосам безвременно ушедших, постоянный страх неточности воспоминаний и – одновременно – одержимость ими встретим мы позднее в художественной прозе В.Г. Зебальда (1944–2001), немецкого писателя и английского профессора истории литературы, сделавшего противодействие забвению жертв, «сброшенных с корабля Истории», направляющим вектором своей литературной вселенной (см., напр.: [Schalkwyk]). И та «неточность воспоминания» [Бобровский 2016: 169], которой, по мнению С. Морейно, «стесняется» И. Бобровский:

Над проволочными
костями пастбищ, над
лугами в хлябях, вода следит
за тобой, черным заливая твой след.

«Заброшенный край», 1961 [Там же: 99]

¹ Луиза Августа Вильгельмина Мекленбургская (1776–1810) – королева-консорт Пруссии, супруга Фридриха Вильгельма III, чрезвычайно любимая подданными, в восприятии которых неразрывно связана с борьбой Пруссии против Наполеона.

развернет позднее у Зебальда скрытые резервуары памяти, возвращая бессловесно ушедшим хотя бы слово, а значит, место в исторической и культурной памяти.

Сам С.М. Морейно, однако, сравнивает И. Бобровского с другим поэтом, чьи стихи также ранее переводил, – с немецкоязычным лириком еврейского происхождения Паулем Целаном (1920–1970), родившимся тоже в Сарматии – в г. Черновцы, – чьи родные погибли в концлагерях, а сам он, тяжело переживая вновь растущие проявления антисемитизма, покончил с собой в Париже в возрасте 50 лет, бросившись с моста в Сену. Но сравнение не срабатывает. Несмотря на, казалось бы, убедительные параллели между поэтами, некоторые слишком «точные» словесные определения переводчика – от каких сам И. Бобровский, подступаясь к темам человеческого страдания, всеми силами старался бы уклониться, – лишает сопоставление [Там же: 164] глубокого содержания и делает даже бестактным. Тем более, что в реальной жизни Бобровского и Целана разделяла «драма отчуждения», выросшая из принципиальной невозможности понять друг друга [Гильманов: 50].

Но сам «голос Бобровского» (по-русски – через переводчика) прикасается к ранам значительно бережнее, как будто и не предполагая возможности беспрепятственного интегрирования травматического историче-

ского опыта, и просит лишь об одном: не забывать.

Вот, скажете вы: забыть –
А ведь явятся молодые люди,
их смех, словно кусты бузины.
вы знаете, бузина-таки
мертва
забывчивостью вашей.

«Бузинный цвет», 1960 [Бобровский 2016: 83].

«Сарматской диалогичностью», по В.Х. Гильманову, проникнуто все творчество Бобровского – его главные поэтические проекты («проект Памяти», проект «Надежды», проект «Пророчества»). И в этой диалогичности (в духе Э. Левинаса и М. Бубера) оно несовместимо ни с какой (национальной, культурной) принудительной унификацией, поскольку в его основе – персонализация универсальной вины, которую В.Х. Гильманов возводит также и к «антропологии эсхатологического персонализма» Достоевского: «каждый перед всеми и все перед каждым виновны, но и каждый за всех и все за каждого в ответе» [Там же: 17]. Продолжая говорить из точки острого переживания своей вины и ответственности за ужас истории, голос Бобровского (в том числе по-русски усилиями переводчика) каким-то образом преодолевает отчаяние и сохраняет веру, что Бог (свет) рядом (вернется), и Он приведет его «домой»:

...Пускай
кормило разбито, но я не утону, я пойду
по водам.

«Путь домой» [Там же: 115]

Несмотря на то, что стихи этого поэта, после Второй мировой войны обосновавшегося в ГДР, не раз привлекали внимание советских и русских переводчиков и поэтов (среди которых Л. Гинзбург, Г. Ратгауз, Вяч. Куприянов, Е. Витковский, М. Гаспаров, Г. Сапгир, И. Вишневецкий, Г. Куборская-Айги), а в 1971 г. была издана книга его избранных произведений [Бобровский 1971], в рецензируемом издании переводчику С.М. Морейно удалось поэтически убедительно представить цельную картину лирического наследия поэта через призму трех главных для него тем – Сарматии, вины и надежды [Бобровский 2016: 18].

Литература

Бобровский, И. Избранное / предисл. Ю. Архипова; ред. стихотв. переводов К. Богатырева. М.: Молодая гвардия, 1971.

Бобровский И. Тенеречье. Избранные стихотворения / пер. с нем., сост., ст., коммент. С. Морейно, вст. ст. В. Гильманов. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016.

Гильманов В.Х., Копцев И.Д. Герменевтика вины в творчестве Иоганнеса Бобровского // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2017. № 3. С. 45–53.

Переписка Иммануила Канта и Иоганна Георга Гамана (перевод, введение и комментарии В.Х. Гильманова) // Кантовский сборник. 2009. № 1 (29). С. 92–109.

Синило Г.В. Духовно-нравственные уроки поэзии Иоганнеса Бобровского (К вопросу о воспитании подлинной толерантности). Доклад // Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы гуманитарного образования». Минск: Белорусский государственный университет, 20–21 октября 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/161062/1/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D0%BE%20%D0%93%D0%92-210-229.pdf> (дата обращения: 20.12.2020).

Bobrowski, J. (1961). *Schattenland Ströme*. Berlin: Union.

Schalkwyk, D. (2011). Wittgenstein and Sebald: the place of home and the grammar of memory. In *From Ontos Verlag: publications of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society (New Series)*. Hessen, 2006–2011 (Vol. 15). Retrieved from: <http://wittgensteinrepository.org/ agora-ontos/article/view/2159> (date of access: 13.12.2020).

Soklić, M. (2017). *Faustus Verantius: Eine Biographie*. Bad Langensalza: Nostrum Verlag.

References

Bobrowski, J. (1971). *Izbrannoe* [Selected Works] (К. Bogatyryov, Trans). Moscow: Molodaya gvardiya.

Bobrowski, J. (1961). *Schattenland Ströme* [Shadowland streams]. Berlin: Union.

Bobrowski, J. (2016). *Tenerechë. Izbrannye stikhotvoreniya* [Shadowland Streams. Selected poems] (S. Moreino, Trans.). Izhevsk: Print-2.

Gil'manov, V.Kh., & Koptsev, I.D. (2017). Germenevtika viny v tvorchestve Iogannesa Bobrovskogo [Hermeneutic of guilt in Johannes Bobrowski's work]. *Vestnik Baltiiskogo Federal'nogo Universiteta im. I. Kanta: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of I. Kant Baltic Federal University: Philology, Pedagogy, Psychology], 3, 45–53.

Gil'manov, V.Kh (Ed.). (2009). Peregiska Immanuila Kanta i Ioganna Georga Gamana [The correspondence between Immanuel Kant and Johann Georg Hamann]. *Kantovskii Sbornik* [Kantian journal], 1 (29), 92–109.

Schalkwyk, D. (2011). Wittgenstein and Sebald: the place of home and the grammar of memory. In *From Ontos Verlag: publications of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society (New Series). Hessen, 2006–2011* (Vol. 15). Retrieved

from: <http://wittgensteinrepository.org/agora-ontos/article/view/2159> (date of access: 13.12.2020).

Sinilo, G.V. (2016). Dukhovno-nravstvennye uroki poezii Iogannesa Bobrovskogo (K voprosu o vospitanii podlinnoi tolerantnosti). Doklad [The spiritual and moral lessons of Johannes Bobrowski's Poetry (Revisiting the true tolerance fostering)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya (Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 20–21 oktyabrya 2016)* [Proceeding of International Scientific and Practical Conference “Problems of Humanitarian Education” (Minsk: Belarusian State University, 20–21 October 2016)]. Retrieved from: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/161062/1/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D0%BE%20%D0%93%D0%92-210-229.pdf> (date of access: 20.12.2020).

Soklić, M. (2017). *Faustus Verantius: Eine Biographie* [Faustus Verantius: biography]. Bad Langensalza: Nostrum Verlag.

“SHADOWLAND STREAMS” BY JOHANNES BOBROWSKI

Yelizaveta V. Sokolova, PhD, Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: lizak2000@mail.ru.

Abstract. The paper analyses the structure, content, cultural and historical contexts, and translation strategies of “Tenerechie” (2016 / “Schattenland Ströme” / Shadowland Streams, 1961). The book was prepared for publication by the Russian translator Sergei Moreino and released as part of the “Publishing Programme of the Government of the Kaliningrad Region” for 70th anniversary from its first publication. It presents not only the author’s voice of German poet Johannes Bobrowski (1917–1965), a native of Tilsit, little-known to Russian readers but also the tale of his fate, firmly embedded in the network of military, political, and anthropological catastrophes of the first half of the 20th century. Three essays on Bobrowski’s work and poetics written by Russian poets and literary critics contribute considerably to this volume.

Key words: German literature of the 20th century, German poetry of the 20th century, the German guilt, topos Sarmatia, Johannes Bobrowski.

